МУЗЕЙНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ОБРАЗОВАНИЕ В МУЗЕЕ

Энн Дэвис

ПРЕПОДАВАНИЕ МУЗЕЕВЕДЕНИЯ: ШИРОТА ДИАПАЗОНА, ГИБКОСТЬ И ЛЮБОЗНАТЕЛЬНОСТЬ

Основная проблема в преподавании музееведения, – как и в подготовке к любой профессиональной деятельности, – заключается в том, что мы пытаемся представить себе будущее и подготовить к этому будущему своих студентов. Один из способов, который часто используют для того, чтобы предсказать будущее, заключается в изучении прошлого и настоящего, в отношении к недавним изменениям как к потенциальному индикатору будущего направления. Этот метод, конечно, хорош, но только в определенных пределах. Не все изменения могут быть описаны как линеарные и развивающиеся в прогрессии. Иногда изменения бывают внезапными, неожиданными и непредсказуемыми. Зачастую в игру вмешиваются внешние по отношению к профессии факторы, они путают все карты, меняют цели и влияют на итоговые результаты. Особенно трудно принять это тем, кто предпочитает безопасность хорошо известных путей. Преподаватели музейного дела должны учитывать все эти трудности и кроме основ работы с коллекциями, выставочной деятельности, интерпретации и управления, обращать внимание на широту диапазона, гибкость и любознательность.

Анализ музейной деятельности последних двух десятилетий убедительно показывает существование двух основных направлений. Первое, более традиционное, основывается на коллекциях. Музеи, принимающие это направление, выстраивают экспозиции, как правило, постоянные, основываясь на формальном подходе профильной дисциплины. Здесь минимум этикетажа и научно-вспомогательного материала. Посетителей как бы приглашают оценить выставленные предметы с точки зрения их научной, технической, социальной или эстетической ценности. Многие посетители, уже знакомые с таким способом экспонирования, чувствуют себя здесь вполне комфортно. Второе направление, основанное на новой музеологии, в центр внимания помещает скорее не музейный предмет, а самого посетителя, – он не просто пассивно воспринимает нечто, предложенное ему авторитетной инстанцией, но сам действует активно. Зачастую в центре здесь находится история, нередко с социальным посланием. Коллекция может играть свою роль в создании этой истории, но может и не играть. Обычно особенно важными для такого подхода оказываются контекст, новые вопросы, социальная трансформация. Так как вовлечение самого посетителя здесь

особенно важно, те, кто ожидают увидеть нейтральную экспозицию, не требующую никаких активных действий, оказываются в совершенно новой ситуации – их просят действовать и реагировать совершенно по-новому[1].

Музеи, принимающие первое из отмеченных направлений, это, конечно, те, которые могут похвалиться уникальными предметам, неповторимыми шедеврами. Но даже они, как показывает пример почтенной старой дамы американских музеев, Музея Метрополитен, стараются сейчас переходить к более диалогическому и сложному подходу. Яркий пример тому – величественный Дендурский храм, окруженный настоящей стеной из междисциплинарных объяснений и помещенный в специальный контекст. Подобную смену перспектив можно увидеть и в деятельности Музея де Янг в Сан-Франциско. В Лувре совместно с токийской фирмой Dai Nippon Printing проводится интереснейшая многолетняя исследовательская программа «Музейная лаборатория», целью которой является проверка с помощью технологических методов интерпретации той реакции, которую экспозиция музея вызывает у посетителей[2]. Совершенно очевидно, что имеет место некоторая конвергенция музеев различного типа, так, что они становятся местами открытия и эксперимента, где западное знание перестает быть единственным, привилегированным, а проблемы обсуждаются с междисциплинарной точки зрения. Знание само по себе изменяется, становится более текучим и динамичным, как отметил Зигмунт Бауман, признанными и поддерживаемыми становятся знания, они замещают собой одну-единственную общепризнанную истину. З. Бауман пишет о современном состоянии мира, как о «текучей современности» («liquid modernity»), которая сменила предшествующую «прочную современность» («solid modernity»). Этот переход к «текучей современности» требует развития у личности особых качеств: гибкости и быстрой способности к адаптации, готовности и умения быстро менять тактику поведения и т.д[3]. Кроме того, многие теоретики, например, Жиль Делез, подчеркивают перформативную природу обучения, происходящего в пространстве между предметом/текстом с одной стороны и посетителем/учеником с другой. Диалогический подход, указывающий на ценность множества позиций, оборачивается богатством многочисленных интерпретаций и новых смыслов.

Общество сейчас находится на том этапе своего развития (по крайней мере, можно на это надеяться), когда мы можем не просто признавать различия, но и должны их приветствовать. Различия могут быть самыми разными: расовыми, религиозными, сексуальными, финансовыми и т.д. За последние 150 лет наш взгляд на различия претерпел радикальные изменения. В 1865 г. Мэтью Арнольд в своем программном эссе «Функция критики в настоящее время» установил следующие требования для критического подхода: «Правило можно сформулировать одним словом – *беспристрастность*. А как критика показывает свою беспристрастность? Держась в стороне от того, что принято называть «привычным взглядом на вещи» …» Сегодня большинство признает, что подход М. Арнольда едва ли может оказаться подходящим, что необходима не меньшая, а, наоборот, большая степень

[1] См.: *Sandell R., Janes R. R.* Museum Management and Marketing. London, 2007.

[2] Подробнее см.: http://museumlab.eu/ (ссылка последний раз проверялась 15.12.2010 г.).

[3] *Baumann Z.* Liquid Times: Living in an Age of Uncertainty. Cambridge, MA, 2006.

заинтересованности. А большая заинтересованность в различиях означает, что сами мы должны быть более скромными, более открытыми и восприимчивыми к различиям.

Если таковы непосредственное прошлое и настоящее музеев, то, как должны преподаватели музейного дела пробудить у своих студентов необходимые навыки? Более того, – каковы эти необходимые навыки? Какое знание оказывается важным? Потенциальный список требуемых знаний и умений кажется бесконечным и явно превышающим возможности простого смертного. Впрочем, предъявлять все новые и новые требования, – занятие неэффективное и даже бесполезное. Мы не должны уподобляться лошади из оруэлловского «Скотного двора», которая столкнувшись с новыми проблемами, просто начинала работать еще усерднее. Необходимо произвести обдуманный отбор.

Первое, что приходит на ум относительно преподавания музееведения, это, что оно скорее склонно к постоянному приобретению чего-то нового, нежели чем к ограничениям, – список навыков и предметов, которые следует преподавать, кажется, увеличивается из года в год. Безусловно, ключевым для студентов является приобретение знаний в таких основополагающих для музейного дела областях, как хранение и консервация, комплектование и учет фондов, выставочная и культурно-просветительская деятельность, а так же менеджмент, этика, маркетинг и фандрайзинг. Конечно, с учетом поворота в музейной деятельности к новому диалогическому, проблемному подходу, значительного внимания заслуживают и такие проблемы, как экспонирование и интерпретация, включающие интерактивные технологии (социальные сети, игровые приставки, айподы).

Следует еще раз подчеркнуть важность для потенциального музейного работника сильной профильной базы. Музеи, хотя и становятся более интегрированными и междисциплинарными в своей деятельности, все же продолжают сохранять определенный фокус, будь то социальный, научный, исторический, этнологический или эстетический. К тому же, углубленное преподавание дисциплины может дать понимание методов, системы, философии и различий, – того, что в случае с более общим подходом окажется утраченным.

Еще одна обязательная область изучения – это коммуникация. Можно сказать, что именно коммуникация является главным делом музеев. Именно поэтому в университете Торонто программа по музейному делу с недавнего времени читается на факультете информации, рядом с программой по информации, всего несколько лет назад называвшейся библиотековедением[4]. Очевидно, что для музеев, объединяющих предметы, идеи и людей, налаживание связей, установление контактов – одна из основных задач. Другой важный аспект музейной коммуникации – способность сотрудничать с общиной, особенно над такими проблемами, как создание социально-релевантного института и повышение значимости и качества того опыта, который посетитель приобретает, приходя в музей. Конечно, огромное значение имеют и коммуникационные технологии, – нельзя игнорировать их возможности, силу и постоянное развитие. Но слепая опора на технологии была бы ошибкой. В конечном счете, с момента прокладки первого телеграфного кабеля, за решением всех возможных социальных и природных проблем обращались именно к технологиям. Но постоянно изменяются не только технологии, их использование также не остается неизменным:

[4] Подробнее см.: http://www.ischool.utoronto.ca/ (ссылка последний раз проверялась 15.12.2010 г.).

недавние исследования показали, что в Канаде использование таких сетей как Twitter и Facebook по сравнению с прошлым годом уменьшилось на 30 %[5]. Вопросы коммуникации, во всех своих проявлениях, остаются центральными для музеев и музееведения.

Менее очевидным может оказаться наше представление о том, как следует преподавать навыки, необходимые в динамичном музее, ставящем в центр внимания посетителя. Три навыка оказываются ключевыми для эффективного развития будущих музеев (особенно тех, которые в центр своего внимания помещают посетителя), эти навыки – широта диапазона, гибкость и любознательность. На самом деле, со значительной долей уверенности можно сказать, что эти навыки оказываются важными для любой деятельности в XXI в. Но их глобальный характер не означает, что их не следует преподавать как часть музееведения. Совершенно наоборот. С учетом большого количества важных тем, уже включенных в учебную программу, вполне может появиться искушение рассматривать широту диапазона, гибкость и любознательность, как «мягкие» навыки, которыми студенты могут овладеть автоматически, безо всякой формальной подготовки. Это не так. Если эти навыки важны, если они оказываются центральными для музеологического прогресса, их следует преподавать.

Как следует их преподавать? Как можно научить тому, что часто рассматривается как чисто интуитивное и данное от природы? Рискуя излишне подробно остановиться на том, что всем и так прекрасно известно, я бы выделила шесть последовательных этапов такого обучения: определить, научить, показать, смоделировать, дать задание и оценить. Конечно, эти шесть шагов могут и должны использоваться в любом обучении, вне зависимости от того, учат ли фигурному катанию, астрофизике или музееведению. Иногда, однако, мы забываем о каком-нибудь из этапов, или воспринимаем его, как нечто само собой разумеющееся. Недавно я попросила своих студентов написать эссе с анализом определенного источника. Один из студентов, написавший подробное и убедительное эссе, лишь в начале своей работы обратился к первоисточнику, а затем сконцентрировал все внимание на историографии вопроса. Он пропустил важный этап работы и, как следствие, получил плохую оценку.

Первый этап, «определить», как раз и забывается чаще всего, т.к. мы заранее убеждены в том, что студенты осознают важность этих умений и уже научились дома, в школе, или где-нибудь еще тому, как быть гибкими, честными и преданными делу. Это предположение таит в себе множество опасностей. Если мы считаем, что эти навыки очень важны, мы должны четко их определять, называть и объяснять. В качестве блестящего примера такого мастерства определения назову Стива Джобса, генерального директора «Apple». Давая определение iPod'a, он охарактеризовал его как «Тысяча песен у тебя в кармане», а про iPad написал: «Лучше, чем ноутбук, лучше, чем смартфон»[6]. Как говорит нам Мишель Фуко: называние имеет центральное значение для понимания[7].

[5] Bakardjieva Marie. 2010. Interview, Eye Opener, CBC Radio, 17 февраля, 2010.
[6] *Gallo C.* The Presentation Secrets of Steve Jobs. New York, 2010.
[7] См.: *Foucault M.* The Archeology of Knowledge. London, 2002.

Мы должны активно преподавать нашим студентам три этих навыка, объясняя, почему они так важны и давая конкретные примеры. Зачастую для этого используется сравнительный метод. Другой широко распространенный прием – изучение конкретных случаев, case study. Конечно, такие случаи не следует ограничивать лишь музеями. Наоборот, – учитывая все возрастающую междисциплинарность музейной деятельности, экскурсы за пределы одной этой институции могут оказаться весьма полезными для получения новой информации или новых творческих импульсов от других профессий и дисциплин. Например, работая над этой статьей, я нашла три весьма полезные для себя статьи в канадской газете «Globe and Mail»: одна была о трудовых ресурсах, вторая о Стиве Джобе и новой книге, ему посвященной, а третья, из спортивного раздела, о проблемах лидерства и руководства[8].

Третий важный аспект преподавания – показать. Довольно странно, но даже в рамках программ по музейному делу, мы отнюдь не всегда водим наших студентов в музеи или родственные им институции (такие, как ботанические сады или зоопарки). Это крайне печально. Многим гораздо проще научиться чему-нибудь, увидев это, попробовав самому, чем читать или слушать о предмете обучения. Если попросить студента в самом музее определить, какая из экспозиций или программ была сделана с большим воображением, большей энергией, расчетом на инклюзивный подход, он скорее поймет, о чем идет речь.

Но недостаточно просто показать. Преподаватель должен также смоделировать желаемое поведение или отношение. Это как с родителями, которые хотят вырастить образцового гражданина, – им мало говорить о чем-то, они сами должны давать ему пример. Нам следует демонстрировать, что значит быть открытыми, изобретательными, любознательными и мыслящими в категориях общих интересов. Изучение различных методов обучения постоянно показывает, что моделирование поведения дает самые лучшие результаты, по сравнению со всеми прочими подходами. Обучение на собственном примере – очень действенное орудие.

Возможно, самый лучший способ добиться того, чтобы студенты осознали фундаментальную необходимость приобретения навыков широты диапазона, гибкости и любознательности связан с выполнением заданий. Когда дело касается оценок, студенты становятся более внимательными и, как правило, лучше запоминают. Значительная часть обучения проходит во время выполнения практических заданий, когда столкновение с реальными музейными проблемами требует решений, которые могли бы показать наличие у студента необходимых умений и навыков. Недостатка в материале для таких заданий нет. Например, после посещения «традиционной», предметоцентричной экспозиции, студента можно попросить разработать собственные творческие предложения, касательно того, как сделать эту экспозицию более диалогичной. Активные исследования и эксперименты должны поддерживаться, оцениваться и поощряться.

Наконец, последний этап преподавания и усиления интересующих нас навыков заключается в оценке. Любопытно отметить, что для поведения животных как раз наиболее действенными оказываются техники, связанные с позитивным развитием навыков, а старые

[8] Globe and Mail. 2010. 3 февраля.

системы подавления и наказания все чаще и чаще ставятся под сомнение[9]. Самое эффективное поощрение – это то, которое оказывается постоянно и в различных формах. Оценки за выполнение конкретных заданий, – один из примеров. Кроме него можно обратиться и к тому случаю, когда студент на протяжении всего курса выказывает желаемое поведение в ответах, работе в команде и презентациях. Зачастую при таком обучении даже те студенты, которые вначале проявляли ограниченные, доктринерские позиции, внезапно начинали предлагать блестящие инновации и творческую гибкость.

Невозможно с математической точностью предсказать, как будут выглядеть музеи через десять, двадцать или тридцать лет. Но нет никаких сомнений в том, что они будут меняться и, вероятно, это будет изменение в сторону все более диалогического направления, в центр внимания помещающего посетителя. При этом какими бы эти изменения ни были, они неизбежно потребуют от музейщиков быть более гибкими и любознательными, чем сегодня, и уметь работать в более широких рамках. Для нас, как преподавателей музееведения, обязанностью является найти такие методы подготовки студентов, которые дали бы им понимание важности трех рассмотренных выше характеристик, и снабдили их умениями и навыками, необходимыми для того, чтобы эффективно и уверенно выполнять свою работу.

Перевод с английского Ананьева В. Г.

[9] *Truman G. E.* Behaviour modeling, instruction and exploration training approaches in group and individual contexts // Behaviour and Information Technology. 2009. Vol. 28. №. 6. P. 453-524.